Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/68/7

РОМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ В.Ф. ОДОЕВСКОГО: ЧУВСТВЕННОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

Полина Александровна Васинева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, polina.vasineva@gmail.com*

Аннотация. Анализируются педагогические идеи В.Ф. Одоевского через призму романтических представлений о мире и человеке, через связь чувственного и рационального аспектов в познании.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, романтизм, философия образования, чувственное познание, рациональное познание

Для цитирования: Васинева П.А. Романтические истоки педагогических идей В.Ф. Одоевского: чувственное и рациональное познание // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 70–78. doi: 10.17223/1998863X/68/7

Original article

THE ROMANTIC ORIGINS OF ODOEVSKY'S PEDAGOGICAL IDEAS: ON THE QUESTION OF SENSUAL AND RATIONAL COGNITION

Polina A. Vasineva

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation,
polina.vasineva@gmail.com*

Abstract. In this article I analyze the pedagogical ideas of V.F. Odoevsky in their connection with the Romantic ideas about the world and man. The main interest for me here is the connection between the sensual and rational aspects in the process of cognition. Despite the impossibility of a direct comparison of ideas, it is possible to draw parallels through the question of cognition and the concept of education as it was understood by the Romantics (Novalis in particular) and as it is presented and realized in the pedagogical works of V.F. Odoevsky.

The influence of Romanticism on Odoevsky can be summarized in the following points:

1) in the outlook, associated with the focus on the individual characteristics of man and child in the pedagogical process. Romanticism actualized in the history of thought the value of the individual. The concrete man and the phenomena of his being become more and more often a material for philosophical research. The focus on the human being increases its value, as well as the need to actualize the individual characteristics of each individual. In connection with this worldview approach, the view of education is also shifting.

The goal of preschool education according to Odoevsky is related to the formation and preparation of the apparatus of thinking, which he calls the “spiritual apparatus”. The formation of understanding in a child is the possibility of manifestation of the individual in him.

2) in the understanding that education is self-education in the first place. Odoevsky appeals in many ways to the independence of the child. Indeed, if education is perceived as a transfer

of knowledge, it will turn out that the child will always be in a dependent position on the teacher without the skill of forming ideas and the desire to analyze and compare facts independently. In Novalis this aspect is expressed in that “without perfect self-understanding a true understanding of others cannot be achieved”.

3) in the understanding of the correlation between the rational and the sensual in the process of cognition. Despite the lack of obvious continuity between Odoevsky's pedagogical ideas and the Romantics, one can trace the Romantic source of his reflections: following the Romantics, he reflects on the theme of thinking and feeling. However, if Romanticism strove to overcome the Enlightenment dictate of thinking, putting sensibility in the foreground, Odoevsky goes further and does not try to think them in opposition. This is indicated by his pedagogical position on the development of thinking in the period of the prevalence of emphasized sensuality in human life, in the period of childhood.

Keywords: V.F. Odoevsky, Romanticism, philosophy of education, sensual cognition, rational cognition

For citation: Vasineva, P.A. (2022) The romantic origins of Odoevsky's pedagogical ideas: on the question of sensual and rational cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 70–78. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/7

Интеллектуальный поиск В.Ф. Одоевского был связан с разнообразными вопросами науки, искусства и управления. Философский поиск в области гносеологии неразрывно связан у мыслителя с тематикой образования, педагогической деятельности, которая является системообразующей для его творчества в 30–40-е гг. XIX в. Помимо этого, вклад Одоевского является не только для него самого значимым, но и оказывает существенное влияние на представление о векторах развития педагогической деятельности в России XIX в. Этот вклад во многом остается не до конца оценен и исследован. Тем не менее педагогические идеи, высказанные Одоевским, не потеряли свою актуальность, а скорее наоборот – приобрели ее только сейчас, потому что оказались созвучны стратегическим задачам, которые ставит перед собой образование сегодня.

Помимо практико-ориентированных педагогических приемов взгляды Одоевского созвучны философской проблематике своего времени, хоть их фундаментальное содержание недостаточно глубоко артикулировано в исследовательской литературе. Образованность и широта взглядов князя-мыслителя связывает его с романтиками и Шеллингом. И несмотря на то что активное увлечение романтизмом пришлось на ранний период творчества, справедливо говорить о выборе этого направления в качестве мировоззренческого ориентира в период интеллектуального становления мыслителя. Напрямую романтическим можно однозначно назвать творческий этап кружка Любомудров, продолжавшийся примерно до 1830 г. Далее Одоевского начинают увлекать другие идеи и направления, педагогический этап связан более с необходимостью реализации конкретных проектов: он был членом-основателем Общества древнерусского искусства, одним из членов-учредителей Русского географического общества. Как глава Комитета попечительства руководил организацией сети детских приютов в Санкт-Петербурге и других городах России.

Одоевский, вдохновлявшийся романтиками на определенном отрезке своей творческой биографии, транслировал и так или иначе интерпретировал их идеи. Поэтому справедливо возникает вопрос: насколько можно сопоста-

вить раннеромантические идеи об образовании с педагогическими взглядами В.Ф. Одоевского? Задача прямого сопоставления педагогических идей русского мыслителя с романтиками – непростая, так как последние не ставили перед собой цель развития педагогической теории. Тем не менее возможным оказывается провести параллели через вопрос познания и концепт образования, как его понимали немецкие романтики (в частности Новалис) и как он представлен и реализуется в практико-ориентированных работах В.Ф. Одоевского.

Романтизм как мощное духовное течение своего времени во многом повлиял на все сферы человеческого бытия. После романтиков под другим углом начинают оценивать феномены человеческого бытия: искусство, религию, философию, политику, музыку, архитектуру, в конце концов, саму жизнь в ее многогранных проявлениях. Этот изменившийся ракурс восприятия уже существующих феноменов и понятий получает прививку нетрадиционного подхода, неклассической рациональности. Также под пристальным взглядом оказался феномен человека, его бытия и самоощущения в мире, его становления. Как раз в этом аспекте романтическая идея сближается с педагогикой как наукой о воспитании и обучении человека.

Что же касается вопроса дихотомии чувственного и рационального, то в романтизме он решается однозначным образом и показательно представлен словами Новалиса о том, что «истинный поэт всеведущ, он – действительный мир в миниатюре» [1. С. 168]. У поэта есть преимущество перед ученым, так как первый владеет непосредственным инструментом – переводит чувственный материал в слово, в то время как ученый должен сначала овладеть методами науки, категориальным аппаратом и т.д.

Одоевский, вдохновленный идеями Шеллинга и романтиков, начинает смотреть на ключевые для своих исследований проблемы как бы их глазами, через призму «другого разума» [2]. Однако его идеи обладают значительной долей самобытности и уникальности. Тем не менее обобщить мысли о влиянии романтизма на Одоевского можно в следующих пунктах: 1) в мировоззренческом, связанном с ориентацией на индивидуальные особенности человека и ребенка в педагогическом процессе; 2) в понимании того, что образование – это самообразование в первую очередь; 3) в вопросе соотношения рационального и чувственного в процессе познания.

Несмотря на то что ранний немецкий романтизм в свою теорию не включил педагогику, косвенно можно выявить моменты, связанные с идеями об образовании как становлении личности. Остановимся на них подробнее.

Идеал романтического образования – это самообразование: путь, который проходит личность, обретая свою целостность и ценность. Потому в романтической литературе так популярен образ путешественника. Это всегда герой, который совершает духовный подвиг и меняет свою личность, раскрывая ее сущностный потенциал. Романтический герой всегда проходит путь становления в одиночку, даже если формально путешествует не один. На это указывает часто авторский нарратив, который раскрывается глазами героя и через внутренний мир героя и его духовных изменений. Именно таких героев можно встретить в романе «Сердечные излияния отшельника, любителя прекрасного» В.-Г. Вакенродера, в романе «Странствия Франца Штернвальда» Л. Тика, в романе «Генрих фон Офтердинген» Новалиса.

В связи с вышесказанным образование и познание представлены в картине мира романтизма как путь, дорога. Потому свою популярность и актуальность в это время обретают новые литературные формы: роман-путешествие, роман в виде путевых заметок, дневник-путешествие, которые приходят на смену, а скорее в дополнение, к роману воспитания. Эту мысль подчеркивает Ф. Шлегель: «Следовало бы пожелать, чтобы молодые любители истины почаще могли бы выбирать кругосветное путешествие вместо школы, – не только чтобы обогатить свой гербарий, но чтобы воспитать в себе подлинную мудрость жизни» [3. С. 236].

Путь романтического героя всегда связан с проникновением в сущность через материю: от природы к духу, от сенсительного к интеллигентному. Исследователь С.В. Тураев подчеркивает это, проводя сравнение романтизма с эпохой Просвещения: «...если для просветителей „воспитание“ означало формирование личности под воздействием внешних факторов, то для романтиков *Bildung* это, прежде всего, самораскрытие, саморазвитие» [4. С. 212].

Посредством метафоры пути в романтизме раскрывается образовательная проблематика, путь и путешествие становятся смыслообразующими звеньями для формирования личности, для ее образования. Таким образом, образование в романтизме – это, прежде всего, путь индивидуального развития личности. Все остальное является лишь условием для формирования собственного интереса к окружающей действительности.

Подобным образом характеризует Одоевский педагогический процесс. Он дает учителям и воспитателям наставления, предполагающие, «чтобы ученик смотрел сам, а не вы на него; ваше дело предохранить его от ложного взгляда» [5. С. 128]. Роль педагога в такой трактовке сводится к тому, чтобы быть фильтром и через себя пропускать идеи, которые могут быть восприняты учеником и отсеивать заведомо негативное. При этом мы видим, что роль педагога не сводится к выдаче ученику готового знания. Учитель должен уметь направить и научить ребенка ориентироваться, самостоятельно овладевая информацией и анализируя ее. Вдгонку к этому Одоевский формулирует главную задачу новейшей педагогики, которая сводится к тому, чтобы «направить умственное зрение по удобнейшему пути» [5. С. 129].

Оригинальность педагогических идей Одоевского связана с тем, что он систематизировал дошкольное образование. Его имя связано с организацией детских приютов в России и обеспечением педагогов дошкольного образования необходимой для воспитания и образования детей литературой. О роли дошкольного образования у Одоевского написано в работе «Опыт о педагогических способах при первоначальном образовании детей». Этому этапу образовательной деятельности также посвящены основные труды: «Наука до науки. Книжка дедушки Иринея», «Азбука для употребления в детских приютах».

Одоевский определяет дошкольный этап как важный для формирования инструмента познавательной деятельности и называет его «духовным снарядом». Вся деятельность должна быть направлена именно на этот аспект становления детской познавательной активности.

Какие же важные моменты следует отметить в «Опыте...»?

Первый связан с тем, что Одоевский критикует обучение как накопление фактов. Этот момент распространяется не только на дошкольную педагогику,

но и на весь образовательный процесс. «Впрочем, цель не переменялась: всем хотелось как можно скорее набить голову ребенка фактами, или сентенциями, как будто сумку. Следствия такого направления понятны и очевидны: ребенок видит игрушку, картинку и тем и ограничивается; видеть под игрушечную мысль есть такой процесс, для которого у него еще не приготовлено снаряда» [5. С. 122]. На этапе раннего детства ребенок представляет собой образец чистой чувственности. «Видеть под игрушечную мысль» как раз означает для Одоевского связь чувственного и рационального, которую необходимо закрепить. В этом и заключается, по сути, цель дошкольного образовательного процесса. Одоевский выступает приверженцем разумного подхода в образовательной деятельности и указывает, что количество в вопросе педагогики никогда не сможет перерасти в качество. Знать многое и знать суть вещей и процессов – это два качественно различных итога образовательной деятельности.

При этом количество и качество оказываются тесно связаны, так как знать и разуметь, по Одоевскому, являются взаимодополняющими элементами единого процесса: «Можно знать букву всех наук и не уметь выговорить разумного слова науки; но нельзя ничего разуметь, если ничего не знаешь. Никакое отдельное знание, ни химия, ни физика, ни психология (отдельно), не дают полного понятия о предмете, ибо каждый предмет требует для своего уразумения всех наук или по крайней мере разумно достаточного сопряжения их элементов» [5. С. 136–137]. В целом Одоевский описывает тенденцию развития научного знания за счет все большего расчленения предмета познания между различными научными дисциплинами, каждая из которых изучает предмет с одной стороны, а не в его целостности. Знание со времен возникновения науки как таковой углубляется, впоследствии становится очевидным, что его объем перестает вписываться в рамки одной дисциплины. Так появляются различные направления исследования одного и того же предмета, различные науки. Однако и в рамках одной науки знание начинает разрастаться, создавая условия для возникновения различных дисциплин внутри одной предметной области. Тем не менее бесконечное деление предмета исследования – это скорее путь удаления от самого предмета. Поэтому современная ситуация указывает нам на обратную тенденцию, все чаще актуальными становятся междисциплинарные исследования. Тем временем в философии подобную попытку предпринял Макс Шелер в начале XX в., когда задумал свой проект философской антропологии. Весь пафос проекта заключался в том, что к началу XX в. знаний отдельных наук, занимающихся проблемой человека, накопилось так много, что они, по сути, разорвали на части предмет исследования. При этом каждая из наук не в состоянии была ответить на вопрос, что же такое человек, охватить его в своей сущностной целостности. Философская антропология должна была выступить той междисциплинарной областью, которая связала бы данные всех наук о человеке и ответила, наконец, на вопрос, поставленный еще Кантом: что есть человек?

Становление философской антропологии, напомним, относится к началу XX в. Одоевский же еще в XIX в. описывает схожую проблематику разделенности научного знания, его обособленности в различных науках. Это явление создает сложности для образовательного процесса. Потому как отдельные предметы воспринимаются и преподносятся педагогами изолированно

друг от друга. Процесс образования действительно превращается в накопление фактов, и запоминание выступает главной компетенцией ученика. Одоевский видит в этом неэффективность процедуры. И как раз дошкольный период считает важным для формирования компетенции, связанной с разумным постижением окружающей действительности и с преломлением описанной выше тенденции.

Далее следует второй момент, характеризующий цель дошкольного образования. Она связана с формированием и подготовкой аппарата мышления. Ничему не надо учить на этом этапе, знания вторичны по сравнению с тем, что ребенок может при должном подходе получить ключ к любому знанию: «...все первоначальное воспитание (начиная с четырехлетнего возраста) должно быть не передача знаний, но усовершенствование того снаряда, которым приобретаются знания» [5. С. 122]. Одоевский апеллирует к самостоятельности ребенка. И действительно, если воспринимать обучение как передачу знаний, то окажется, что ребенок всегда будет в зависимом от учителя положении без навыка формирования идей и желания самостоятельно анализировать и сопоставлять факты. И наоборот, «человек, умеющий учиться, выучится всему в короткое время, что бы ни понадобилось ему в продолжении жизни, как человек, умеющий писать, может писать что угодно и чем угодно» [5. С. 122].

В переведенных на русский язык источниках йенских романтиков немного написано об образовании как таковом, однако есть фрагмент Новалиса, посвященный цели образования. В нем автор высказывает, по сути, ту же мысль: необходимость самостоятельности в процессе познания, которая выражена у романтика как необходимость самопонимания и самопознания. «Высшая цель образования – овладение своей трансцендентальной самостью – Я своего я. Тем меньше следует пугаться недостатка чувств и понимания по отношению к другим людям. Без совершенного самопонимания настоящего понимания других достичь невозможно» [1. С. 91–92]. Для философии в целом мысль не новая, вспоминается сократический принцип познания. Согласно античному мировосприятию человек как микрокосм подобен макрокосму и в сжатом виде содержит все атрибуты мироздания. Поэтому если желать познать окружающий мир, необходимо начать с познания себя.

Третий момент крайне важен и связывает философские и педагогические взгляды Одоевского. При чтении «Опытов» становится понятным, что Владимир Федорович является приверженцем концепции врожденных идей и в своих педагогических воззрениях исходит из постулата духовных стихий, с которыми человек приходит в мир. Таким образом главную задачу при развитии «духовного снаряда» в ребенке Одоевский определяет так: «...заставить заговорить те стихии духовные, с которыми мы родимся, которые даже в грудном младенце проявляются в виде бессознательных побуждений, бессвязных мыслей и из которых впоследствии образуется то, что довольно неточно называется врожденными понятиями, но которых гораздо более, чем обычно полагают; навести ученика на ту дорогу, по которой он от бессознательных понятий может постепенно дойти до сознательных; то, что определенно представляется его душе, выразить определенным словом и связать то, что детскому уму представляется разрозненным, не имеющим между собою никакого отношения» [5. С. 124]. В другом месте работы мыслитель

довольно конкретно высказывается по поводу врожденных идей: «Повторяю, мы родимся с врожденными идеями, как семя родится с влечением образоваться в растение, и до них, наоборот, мы не можем дойти механическим отвлечением, но доходим лишь посредством жизненного процесса, точно так же, как из растения выделяется снова семя не механическим путем, но посредством органического процесса. Человеку невозможно довольствоваться сими бессознательными мыслями и побуждениями, ибо оставленные без действия они могут погибнуть, как семя непосеянное; они должны необходимо войти в область сознания и разума, как семя в недра земли» [5. С. 135–136]. Любопытно, что подобное сравнение с семенами растений является романтической метафорой, которую использовал Новалис в отношении своих фрагментов. Он говорил, что «эти фрагменты – литературные семена. Если даже некоторые колосья засохнут – какие-то все равно взойдут» [1. С. 111]. Новалис, как и Одоевский, имел в виду идеи, которые смогут получить свое развитие в определенных условиях. В.Ф. Одоевский при этом вряд ли сознательно ссылаясь на йенского романтика, однако описанный пример лишь подтверждает единое мировоззренческое основание двух мыслителей.

Одоевский продолжает философский сюжет о врожденных идеях, ярко представленный у Декарта. Спор о врожденных идеях между Декартом и Локком напрямую связан с развитием педагогических представлений в том числе, потому как говорит о значении опыта в целом и роли педагога в частности. Если предполагать, что ребенок рождается *tabula rasa*, то все знание он получает извне. И здесь важную роль играет окружение. Если же есть признание врожденности некоторых идей, то сам этот факт говорит об участии ребенка в процессе своего образования, так как именно собственные идеи ему предстоит актуализировать, в том числе самостоятельным усилием. И это два разных подхода в образовании. Одоевский не пытается доказывать врожденность идей, а исходит из этого как из общеутвердительного обстоятельства.

Четвертый момент связан с предыдущим пунктом и предполагает, что врожденные понятия нуждаются в условиях для их раскрытия: «...понятие о числе, о мере, о речи, об изяществе существует в душе человека, но это понятие может и не развиться, если потребность осуществить это понятие не будет удовлетворена окружающими обстоятельствами» [5. С. 125]. Обстоятельства, о которых говорит Одоевский, есть во многом образовательная среда. Именно потому он уделяет большое внимание подготовительному этапу, введению в образовательный процесс, начиная с дошкольной педагогики.

В.Ф. Одоевский формулирует задачу воспитания как развития способности к приобретению знаний. Подобную идею он подробно описывал в части о дошкольной педагогике, называя этот процесс развитием «духовного снаряда».

Примечательным образом Одоевский прописывает цель образования и в своей работе «Рассказы о боге, человеке и природе»: «Уметь дать себе отчет в тех явлениях, которые вокруг нас, из которых слита вся наша жизнь, – есть цель всякого образования, на какой бы степени человек ни находился» [6. С. 239]. По сути, Одоевский говорит об осознанности на каждом этапе жизни человека и о самосознании. Таким образом, школьный этап в концепции Одоевского связан с формированием понимания как связи рационального и чувственного измерений в познании. Как раз этот момент связывает русского мыслителя с идеями романтизма. Исследователь философии образования

А.П. Валицкая в книге «Эстетика понимания» подчеркивает, что «со времен немецких романтиков <...> установлено, что понимание – это не только один из важнейших моментов познания, но особый творческий процесс, который возможен благодаря некоему сродству мировидения автора и читателя, причем интуиция и разум последнего открывают глубинные смыслы текста, предлагая новые, подчас неожиданные истолкования» [7. С. 23].

Этот параметр является необходимым элементом образовательного процесса: не просто знать, но и понимать, для чего это знание дается. Подобное понимание способно формировать интерес у ученика, что является немаловажным фактором успешности в педагогическом процессе.

Детальное рассмотрение педагогических взглядов В.Ф. Одоевского демонстрирует их актуальность для современной философии образования и для истории философии. Поэтому его идеи могут служить теоретическим основанием при разработке методических рекомендаций для современной школы. Так, общемировая практика показывает нарастание популярности философии для детей, направления, которое видит свою миссию в развитии мышления у детей или, словами Одоевского, учит пользоваться «духовным снарядами». Рецепция и интерпретация Одоевским идей романтиков, связанных с образованием личности, важна для истории философии с точки зрения понимания становления интеллектуальной традиции философии образования в России в XIX в.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на отсутствие явной преемственности педагогических идей Одоевского у романтиков, все же прослеживается романтический исток его размышлений: вслед за романтиками он рефлексирует на тему мышления и чувствования. Однако если романтизм стремится подчеркнуть преодолеть просвещенческий диктат мышления, выставляя чувственность на первый план, Одоевский идет дальше, не пытается мыслить их в противопоставлении. На это указывает его педагогическая позиция развития мышления в период преобладания подчеркнутой чувственности в жизни человека, в период детства. Подобный подход характеризует Одоевского как зрелого мыслителя, который избавлен от романтической категоричности и, в отличие от романтиков, искусно сочетает теорию с практикой.

Список источников

1. *Novalis* Фрагменты. СПб. : Владимир Даль, 2014. 319 с.
2. *Ulrichs Lars-Thade*. Die andere Vernunft. Philosophie und Literatur zwischen Aufklärung und Romantik. Berlin : Akad.-Verl., 2011. 509 S.
3. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. М. : Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
4. *Тураев С.В.* Гёте и его современники. М. : ИМЛИ РАН, 2002. 237 с.
5. Одоевский В.Ф. Опыт о педагогических способах при первоначальном образовании детей // Избранные педагогические сочинения / сост., ред., вступ. ст. и примеч. В.Я. Струминского. М. : Учпедгиз, 1955. 368 с.
6. *Одоевский В.Ф.* Рассказы о боге, человеке и природе // Избранные педагогические сочинения / сост., ред., вступ. ст. и примеч. В.Я. Струминского. М. : Учпедгиз, 1955. 368 с.
7. *Валицкая А.П.* Эстетика понимания: способы созидания миров. СПб. : Алетейя, 2019. 360 с.

References

1. Novalis. (2014) *Fragments* [Fragments]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
2. Ulrichs, L.-T. (2011) *Die andere Vernunft. Philosophie und Literatur zwischen Aufklärung und Romantik*. Berlin: Akad.-Verl.

3. Schlegel, F. (1983) *Eстетика. Философия. Критика* [Aesthetics. Philosophy. Criticism]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.

4. Turaev, S. V. (2002) *Гете и его современники* [Goethe and His Contemporaries]. Moscow: RAS.

5. Odoevskiy, V. F. (1955a) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Moscow: Uchpedgiz.

6. Odoevskij V. F. (1955b) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Moscow: Uchpedgiz.

7. Valitskaya, A.P. (2019) *Eстетика пониманиа: sposoby sozidaniya mirov* [Aesthetics of Understanding: Ways of Creating Worlds]. St. Petersburg: Aletejya.

Сведения об авторе:

Васинева П.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии и истории философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: polina.vasineva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vasineva P.A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: polina.vasineva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022*

*The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*